

VOGUE

РОССИЯ

НОЯБРЬ
2012

Парижский шик

- МАРИОН КОТИИЯР
- ОДРИ ТОТУ
- ЛЕТИЦИЯ КАСТА

ПРИЧЕСКИ-ТРАНСФОРМЕРЫ

От накладной челки до цветных прядей

520
ПОКУПОК
НА ЗИМНИЙ
СЕЗОН

Мех
ОТ КЛАССИКИ
ДО АВАНГАРДА

Мужской
СТИЛЬ

Игра
В Костюмах

ISSN 1560-2524
1 20 11
9 771560 252000

Митина любовь

Дмитрию Хворостовскому пятьдесят. В интервью Альберту Галееву сибирский баритон из Лондона объяснил, почему следующие полвека его жизни будут еще лучше первых, и рассказал, какое чувство он ценит больше всего на свете

АЛЬБЕРТ ГАЛЕЕВ

15 НОЯБРЯ 2012 Г.

“Выглядит он, как молодой Рудольф Нуреев, а поёт, как Павел Лисициан”, - написал английский оперный критик Алан Блайт, увидев Дмитрия Хворостовского в 1989 году на конкурсе «Певец мира» в Кардиффе. Это была высшая похвала: невозвращенец Нуреев числился тогда эталонным танцовщиком, а виртуозный Лисициан, в 1960-м первым из отечественных певцов после Шаляпина выступивший на сцене Метрополитен-опера, - примерным русским вокалистом. Рослый и атлетичный Хворостовский – тогда ему было двадцать шесть – вышел на сцену во фраке, купленном в долг, спел на чистейшем итальянском Генделя с Верди - и победил. После первого тура у него уже был западный профессиональный агент, на следующий день после финала – контракт со звукозаписывающим гигантом Philips. Дебюты в Лондоне, Нью-Йорке случились в течение года. Так началась самая стремительная карьера в классическом вокале последнего двадцатилетия. В 1991 году, сняв Хворостовского в чёрной коже и с прищуром Марлона Брандо, американский журнал People так и формулировал: настоящая рок-звезда.

«Не много в современной опере таких ярких артистов, хотя сейчас опера помолодела, певцы стали сексуальными, подтянутыми, медийными. Роскошный голос, блестящая техника и актёрский талант: Дмитрий задал новые стандарты исполнения», - говорит о коллеге и друге Анна Нетребко. Хворостовский пел с ней десятилетие назад в «Войне и мире» в Метрополитен-опера. И он же станет её первым Онегиным: в апреле в Вене русская примадонна исполнит свою первую в карьере Татьяну.

В англоязычной прессе его называют, употребляя определенный артикль, обозначающий исключительность: The Russian Baritone. Образцовый Евгений Онегин, князь Елецкий из «Пиковой дамы», Болконский в «Войне и мире», Хворостовский не просто царит в русском репертуаре, хотя и обращается к нему теперь всё реже: он давно уже вердиевский баритон мирового уровня, одинаково убедительный почти во всём спектре, от трогательного компримарио Жермона-отца в «Травиате», коронной партии Лисициана, до трагических Риголетто и Симона Бокканегры, главных героев одноимённых опер.

«Певец – это тот человек, который не может не петь.

У моей жены - а она певица – нет этого зова.

А если бы был, может, мы бы и не стали жить вместе».

При этом Хворостовский совершает регулярные и масштабные экскурсии в прочие вокальные сферы. Исполняет барочные арии и русские романсы, песни из репертуара Марка Бернеса и Иосифа Кобзона. В Юрмале на «Новой волне» спел шлягеры, специально созданные для него Игорем Крутым, - даже записал на один клип в духе Леди Гаги. Восьмого декабря в мировых кинотеатрах (в Москве – в «35 мм») в

рамках проекта The Met: Live in HD будут транслировать в прямом эфире золотую оперу Верди «Бал-маскарад», новую постановку Метрополитен-опера. Хворостовский будет петь в ней партию Ренато, уязвленного мужа, ставшего злодеем. Это его третья за год премьера в Метрополитен: зимой прогремела «Эрнани», весной – «Травиата». Дальше, в феврале, - возобновление «Дона Карлоса» в той же Метрополитен, в апреле - "Евгений Онегин" с Нетребко, а ещё концерты в Карнеги-холле в Нью-Йорке, в Мюнхене, в Кремлёвском дворце в Москве.

- Мне пятьдесят, жизнь для баритона только начинается. Да и в личном смысле дальше будет, думаю, лучше. Я помню и своё двадцатилетие, и тридцатилетие. Было много вопросов и очень мало ответов. Неуверенность, боязнь восполнялись петушиной смелостью, пафосом. Сейчас я учусь чувствовать себя свободным, наслаждаться жизнью. Не только работать, но и получать удовольствие от того, что делаю. Этому я никогда не учился, а вот сейчас хочу. Мои обращения к эстраде, к лёгким жанрам - часть этого. Я всегда шёл своим путём, рушил стереотипы, мог нравиться или не нравиться, делать ошибки – но это были мои ошибки и мои победы. Карузо тоже пел песенки, написанные современниками. Весь вопрос, как их исполнять.

На концертах он в открытую заигрывает с публикой и партнёрами. Однажды, исполняя в Альберт-холле куплеты Эскамильо из «Кармен», в финале арии вдруг выхватил из-за пазухи – не ради драматического эффекта, а просто чтобы поприветствовать зрителей - британский флаг и стал размахивать им в такт, держа при этом ноту. Или взять его «дуэли» с дирижёрами, о которых певец сейчас рассказывает, смеясь:

- Бывает, пою несколько фраз в произведении на одном дыхании, Это тяжело: наступает гипоксия. А дирижёр подстраивает оркестр под мой темп, играет всё медленнее и медленнее. В следующий момент у меня уже глаза начинают из орбит вылезать от длительности нот. Есть один дирижёр, который в такие моменты смотрит мне прямо в глаза из ямы и улыбается. А меня потом тонкие ценители музыкальной классики вроде вас спрашивают, что же это я так медленно пою, не по партитуре.

С внешним видом у Хворостовского теперь тоже свободные отношения. На съемку для Vogue, например, он приезжает в майке с глубоким вырезом, в котором виден медальон – парящий орёл на цепи, сверху – джинсовый полосатый жилет, венчают образ красные солнцезащитные очки («купил в Токио»). Фраков от Зайцева Хворостовский давно уже не носит. Чаще предпочитает выступать во френче с воротником-стойкой или реконструированных мягких пиджаках, вместо бабочки – распахнутый ворот. А то и просто выходит к публике в рубашке, как Ин Монтан.

- Галстуки я и в школе не любил. Когда-то раньше, когда был такой пухленький, одевался в Armani, теперь мне стал нравиться Ermanno Scervino. Ещё Dolce&Gabbana,

Gucci, Balmain. Концертные костюмы мне сделали московские ребята на Freshart. Что вы улыбаетесь? Они стараются быть ни на кого не похожими, а такое я двумя руками поддерживаю. Я сам такой.

У него каменные бицепсы и грудная клетка культуриста. По утрам, если вечером нет выступлений, певец ходит в спортивный зал. Приседает с гантелями, делает жим от груди - может поднять штангу в сто сорок килограммов. Хорошо плавает вольным стилем.

Неужели даже в этом он не хочет плыть по течению? Раньше считалось, что спорт для певцов - табу, и уж тем более тяжёлая атлетика: вредно для певческих мышц.

- Смотрите, я ведь лучше всех в мире пою, да? – смеётся Хворостовский. Значит, для голоса не вредно.

А если серьезно, очень много моих более молодых коллег в оперном мире сейчас занимаются спортом. У меня, например, нет цели сильно раздаваться в плечах, потому что, видите, и так уже проблемы с костюмом.

Но так я чувствую себя в тонусе. Разве плохо, когда у тебя много сил и энергии! Обычно оперные певцы после спектакля теряют несколько килограммов. А я, когда

пою, мало потею, даже если одет в тяжёлый сценический костюм. Мышечная масса помогает. В «Риголетто» три часа хожу и пою полусогнутый, из-за горба. Раньше спина болела после спектакля, теперь гораздо меньше.

Ещё в позапрошлом году Хворостовский открыл для себя моржевание.

- После спектакля зимой - ну правда, в Нью-Йорке, но всё равно минусовая температур - я плавал в речке. И абсолютно не болел. Никак на голосе не сказалося. В детстве я был болезненным ребёнком, худеньким. С возрастом понял, что нужно владеть и своим духом, и телом. Короче, владеть собой.

Он задумывается, когда спрашиваю, откуда же родом эти его сила и желание бороться с предрассудками.

- Из детства, - отвечает после паузы.

Отец Хворостовского был инженером-химиком, обожал петь и аккомпанировал себе на фортепиано, мать работала гинекологом. В три года Дмитрий начал отцу подпевать, в семь был отдан в музыкальную школу в класс фортепиано. Подростком, будучи большим поклонником рока, чуть было не бросил академические штудии - стал клавишником и фронтменом группы "Радуга". Играли в ресторанах и клубах Красноярска всё - от диско до регги.

Как и подобает рокеру, Дмитрий был, по его словам, слишком буйный. Дрался так, что нос сломан в нескольких местах. Уходил в загулы. Привычки не изменились, даже когда он бросил «Радугу», поступил в музыкальный институт, ещё студентом стал солистом Красноярского театра, в двадцать лет получил от местного крайкома партии квартиру, а вскоре после победы в Кардиффе переехал в Москву.

- Моя московская квартира в начале девяностых была одним из самых бойких мест. Заходили совершенно посторонние люди, которых я даже не помнил. Сплошной загул. Было трудно от всего этого отстраниться. В середине девяностых мне предлагали на Западе стать лицом водки "Столичная", я отказался: посчитал, что стыдно ещё и рекламировать это. В общем, родители настрадались. Всю жизнь я им что-то доказываю. Интересно, что это не прошло, наоборот, превратилось в навязчивую идею. Недавно, например, родители были на моём «Симоне Бокканегре» в Вене. Я в тот день заболел так, что вообще хотел прервать спектакль. В антракте меня уговорили продолжать, в общем, допел до конца. Родители были удручены, хотя из зрителей никто ничего не понял: ну пел и пел. Через несколько дней я выздоровел и хорошо спел последнего своего Симона. Мама после спектакля подошла ко мне и говорит: «Да, Дима, ты реабилитировался за это своё кхе-кхе в первый раз!»
Понимаете?

Хворостовский совсем не пьёт уже десять лет, не курит. А в рекламе всё-таки снялся - итальянского шоколада Ferrero Rocher. Ролик крутили весной: Хворостовский съедает

конфету и выдаёт на гора куплеты Эскамильо. Тонко чувствующие получили ещё один повод уколоть певца.

- Да я всегда любил эти конфеты, - объясняет Дмитрий без тени смущения. – Я сладкоежка.

Певцам же шоколад нельзя!!! – удивляюсь я.

- Опять вы со своим «нельзя-можно». Можно, если осторожно.

Демоны прошлых лет помогают ему петь так, как он поёт, говорит Хворостовский. И благодарит за поднятую острую тему:

- Надо бы перечитать "Гойя" Фейхтвангера. О дьяволе, с которым борется артист. Он в каждом из нас, и чем больше талант, тем больше дьявола. В Красноярске в институте искусства у нас было такое задание – публичное одиночество. Требовалось делать на публике то, что бы мы делали наедине с самими собой. Это было неприятно и трудно, практически невыполнимо. Но когда пошли мои первые конкурсы, я чувствовал себя на сцене королём. И до сих пор до выхода сцену я могу сомневаться, мне бывает даже плохо от нервов. Но, ступив на сцену, преображаешься тут же. И когда уже ты дошёл до этого уровня, как звучит твой голос - не самое важное.

В 1994 году Хворостовский переехал на постоянное место жительства в Лондон, купил пятиэтажный дом. Тогда певец был женат на Светлане, артистке кордебалета, с которой познакомился ещё студентом в Красноярском театре оперы и балета. Когда началась международная карьера мужа, Светлана завершила свою, в 1996 году родились близнецы Александра и Данила. В 2001-м пара развелась.

С нынешней женой, полуфранцуженкой-полуитальянкой родом из Женевы, кудрявой брюнеткой Флоранс Илли Хворостовский уже четырнадцать лет. Познакомились на сцене. Дмитрий пел в женевском театре одного из первых своих Дон Жуанов, «в провинции - чтобы никто не слышал и не видел, как говорят, try out». Меццо-сопрано Илли исполняла партию подружки Дон Жуана.

- Я увидел девушку невероятной красоты. Тогда ещё я пытался спасти свой прежний брак, в общем, держал себя сильно в руках, очень сильно, - Хворостовский натурально заключает себя в железные объятия. – А тут мы по воле режиссёра должны были целоваться на сцене. И я ей говорю на репетиции: «Я женат, двое детей...» А она: «Ну и что?» Всё было понятно с первого мгновения.

В 2003 году у пары родился сын Максим, ещё через четыре года дочь Нина. Жену Хворостовский зовёт на русский манер Флоша и показывает сейчас их фотографии с последнего семейного отдыха на озёрах штата Нью-Йорк.

Выйдя замуж за Дмитрия, Флоранс тоже оставила сцену. Спрашиваю, как она относится к его статусу секс-символа.

- Флоранс очень умная женщина. Я читал интервью какого-то заслуженного человека. И там была одна интересная фраза: «Я нахожусь в прекрасном возрасте, когда у меня уже нет конфликта с тестостероном. Вся моя карьера прошла под его знаком, а сейчас я остыл и могу заниматься исключительно тем, что мой ум позволяет мне делать». Раньше или позже любой конфликт с тестостероном заканчивается, самец должен уйти. Правда, хотелось бы, чтобы позже.

«Ностальгии нет, с русскими в Лондоне не вижусь.

У меня в саду растёт берёза, но и пальма тоже есть.

Жена и дети говорят по-русски. Этого достаточно».

Не скучает ли он по России, то скитаясь по друзьям, то возвращаясь домой, который теперь в викторианском особняке на юге Лондона?

- Никакой ностальгии нет, с русскими в Лондоне не вижусь. У меня в саду растёт берёза, но и пальма тоже есть. Ностальгия у меня по временам. Есть фотография, сделана на Енисее, когда я гостил у Виктора Астафьева в селе Овсянка. Ну, что ещё. Мои дети говорят по-русски, жена тоже, я её приучил. Этого достаточно.

И даже лучшие театры страны не могут его убедить вернуть московскую прописку.

- Я юношей, второкурсником, попал в советский театр, с этой его системой репертуарной, где каждый ждёт своей очереди. Они же все там как пауки в банке: сильный пожирает слабых. Друзья становятся недругами – зачем мне это нужно?! Я прекрасно живу как свободный художник, люблю и уважаю всех. Кому надо – помогаю, недругов не замечаю. Никто меня не волен ни заставить, ни упрекнуть. Я получил то, к чему всю жизнь стремился. Нет, меня никогда не покидало ощущение, что я любимый и желанный в своей стране. Просто мои творческие интересы не принадлежали России. После победы на конкурсе Глинки, ещё до Кардиффа, я получил от Большого театра предложение перейти из Красноярска, где я уже был солистом, в их стажёрскую труппу. Я отказался. Александр Лазарев, тогдашний главный дирижёр, обещал меня приглашать, но ни разу не пригласил. После этого руки у меня были развязаны.

Через три дня Дмитрий Хворостовский появляется на сцене Большого зала Консерватории – лучезарный, сиятельный, в чёрном смокинге с широкими лацканами, расшитыми мелкими стразами. Концерт пора начинать, но партер ещё не полон, зрители продолжают рассаживаться. Хворостовский стоит несколько минут, созерцая Москву, как булгаковский Воланд на Воробьёвых горах. А потом, не дождавшись тишины, начинает петь.

